

Волк. Ги де Мопассан

Ги де Мопассан

(1850 – 1893)

Вот что рассказал нам старый маркиз д'Арвиль под конец обеда, который давал барон де Равель в день святого Губерта[2].

В этот день затравили оленя. Маркиз был единственным из гостей, не принимавшим участия в травле, потому что никогда не охотился.

В продолжение всего долгого обеда только и говорили, что об истреблении животных. Женщины, и те были увлечены кровавыми и зачастую неправдоподобными рассказами, а рассказчики мимически воспроизводили борьбу человека со зверем, размахивали руками и кричали громовым голосом.

Д'Арвиль говорил хорошо, с легким оттенком напыщенной, но эффектной поэтичности. Должно быть, он часто рассказывал эту историю, потому что речь его лилась плавно и он без труда находил меткое слово и удачный образ.

– Господа, я никогда не охотился, как и мой отец, мой дед и прадед. Прадед же мой был сыном человека, который любил охоту больше, чем все вы, вместе взятые. Он умер в 1764 году. Я расскажу вам, как это произошло.

Его звали Жан. Он был женат, был отцом ребенка, ставшего моим прадедом, и жил со своим младшим братом, Франсуа д'Арвилем, в нашем лотарингском замке, среди густых лесов.

Франсуа д'Арвиль остался холостяком из-за своей страсти к охоте.

Братья охотились вдвоем круглый год, без отдыха, без передышки. Они только и любили, что охоту, ничего другого не понимали, говорили лишь о ней, жили единственно ради нее.

В их сердцах пылала эта жестокая, неутолимая страсть. Она сжигала их, захватывала целиком, не оставляя места ни для чего другого.

Они запретили беспокоить себя во время охоты, что бы ни случилось. Мой прадед родился в тот момент, тогда отец его преследовал лисицу, и Жан д'Арвиль, узнав об этом, не прервал погони, а только выругался:

– Черт возьми, этот бездельник мог бы подождать, пока кончится облава!

Его брат Франсуа, казалось, увлекался охотой еще больше, чем он. Едва проснувшись, он отправлялся проведать собак, потом – лошадей и в ожидании выезда на охоту за крупным зверем стрелял птиц вокруг замка.

В округе их звали «господин маркиз» и «молодой барин». Тогдашнее дворянство не походило на нынешних случайных дворян, старающихся создать нисходящую иерархию титулов: ведь сын маркиза еще не граф, сын виконта – не барон, как сын генерала не может быть полковником от рождения. Но мелочное тщеславие наших дней услаждается такой выдумкой.

Продолжаю рассказ о моих предках.

Они, говорят, были необыкновенно высоки ростом, ширококостны, волосаты, свирепы и сильны. Младший брат был выше старшего и обладал таким зычным голосом, что, как рассказывала легенда, которой он очень гордился, каждый лист в лесу дрожал от его крика.

Когда эти великаны, отправляясь на охоту, вскакивали в седла и скакали верхом на огромных лошадях, это было, вероятно, великолепное зрелище.

И вот как-то в середине зимы 1764 года наступили сильные холода и волки стали особенно свирепствовать.

Они нападали на запоздавших крестьян, бродили по ночам вокруг домов, выли от заката до восхода солнца и опустошали скотные дворы.

Вскоре разнесся слух, что появился огромной величины волк, светло-серой, почти белой масти, что он заел двух детей, отгрыз у какой-то женщины руку, переудил всех сторожевых собак в окрестностях и бесстрашно залезает за ограды, обнюхивая двери домов. Жители уверяли, что слышали его дыхание, от которого колебалось пламя свечей. И вскоре всю местность охватила паника. С наступлением вечера, казалось, темнота грозила отовсюду появлением этого зверя... Никто не осмеливался выходить из дому.

Братья д'Арвиль решили выследить его и убить. Они пригласили на эту большую облаву всех местных дворян.

Все было тщетно. Напрасно они рыскали по лесам, обшаривая заросли, – зверя нигде не было. Убивали много волков, но не этого. И каждую ночь, после охоты, зверь, как бы в отместку, набрасывался на путников или пожирал скотину – и при этом всегда вдалеке от места, где его накануне выслеживали.

Как-то ночью он забрался в свиной хлев замка д'Арвиль и зарезал там двух лучших поросят.

Братья были вне себя от гнева. Они смотрели на это нападение как на издевательство, как на прямое оскорбление, как на брошенный им вызов. Они взяли с собою лучших ищек, которые привыкли ходить на хищного зверя, и, пылая яростью, отправились на охоту.

С самой зари до заката, когда пурпурное солнце опустилось за оголенные деревья, они безуспешно рыскали по лесной чаще.

Наконец в бешенстве и отчаянии брата спасались домой, пустив шагом своих лошадей по дороге, поросшей кустарником, удивляясь, что, несмотря на все их охотничье искусство, волк так ловко провел их. Какой-то суеверный страх вдруг овладел ими.

Старший промолвил:

– Это, видно, не простой зверь. Можно подумать, что он умен, как человек.

Младший ответил:

– Не обратиться ли к нашему кузену, епископу, чтобы он освятил пулю, или, быть может, попросить священника прочитать подходящую молитву?

Они помолчали.

Жан снова заговорил:

– Посмотри, какое красное солнце. Этот волк опять натворит каких-нибудь бед сегодня ночью.

Но не успел он закончить фразу, как лошадь его поднялась на дыбы, а конь Франсуа начал брыкаться. Густой кустарник, покрытый сухими листьями, раздвинулся, оттуда выскочил огромный серый зверь и побежал в лес.

Братья зарычали от радости и, пригнувшись к шее грузных коней, послали их вперед всей тяжестью своих тел и погнали с такой быстротой, стегая, понукая криком, движениями, шпорами, что казалось, могучие всадники сами влекли за собою тяжелых животных и, стиснув их ногами, летели вместе с ними.

Охотники неслись, распластавшись над землей, перескакивали через кусты, перемахивали через рвы и насыпи, спускались в ущелья и что есть мочи трубили в рога, созывая своих людей и собак.

И вот в пылу этой отчаянной скачки мой предок налетел лбом на огромный сук, который раскроил ему череп. Он свалился на землю мертвым, а обезумевшая лошадь помчалась дальше и исчезла во мраке леса.

Младший д'Арвиль круто остановился, спрыгнул на землю, схватил брата в объятия и увидел, что вместе с кровью из его раны вытекал мозг.

Тогда он сел возле трупа, положил обезображенную и окровавленную голову Жана к себе на колени и застыл, всматриваясь в неподвижное лицо старшего брата. Мало-помалу в его сознание стал проникать страх, странный, неведомый ему доселе страх темноты, страх одиночества, страх перед пустынным лесом и перед этим таинственным волком, погубившим его брата, чтобы отомстить охотникам.

Мрак сгушался, деревья трещали от мороза. Франсуа встал, продрогший, чувствуя, что почти падает от изнеможения. Уже ничего не было слышно: ни лая собак, ни звука рогов, – все безмолвствовало в невидимом пространстве. Эта угрюмая тишина леденящего вечера таила в себе что-то страшное и необычайное.

Мощными руками схватил он огромное тело Жана, поднял его и, уложив поперек седла, медленно направился к замку; мысли его мутились, как у пьяного, его преследовали страшные, необычайные видения.

И вдруг на тропинке, окутанной ночной тьмой, перед ним мелькнула какая-то огромная тень. Это был зверь. Ужас охватил охотника, что-то холодное пробежало по его спине, и, подобно монаху, одолеваемому дьявольским наваждением, он широко перекрестился, растерявшись перед неожиданно появившимся страшным хищником. Но тут взор Франсуа упал на неподвижное тело брата, лежавшее перед ним, страх его сменился гневом, он задрожал в неудержимой ярости.

Пришпорив лошадь, он пустился вслед за волком. Он скакал за ним через рощи, через рытвины, мчался через лесные чащи, не узнавая их более, впиваясь взором в это белое пятно, убежавшее от него в темноту нисходившей на землю ночи.

Его лошадь, казалось, тоже была окрылена какой-то неведомой силой. Она бешено скакала, вытянув вперед шею. Голова и ноги перекинутого через седло мертвеца задевали за деревья и выступы скал. Терновник вырывал у него волосы, голова, ударяясь о громадные стволы деревьев, забрызгивала их кровью. Шпоры сдирали кору с деревьев.

Но вот лошадь и всадник выскочили из леса и понеслись по ложине; в это время из-за гор выплывала луна. Каменистая ложина, стиснутая со всех сторон огромными скалами, не имела выхода. Загнанный волк повернул обратно.

Франсуа взвыл от радости, и этот вой, повторенный эхом, прокатился в горах как раскат грома. Он соскочил с лошади, сжимая в руке кинжал.

Ощетинившийся зверь, выгнув спину, ждал; глаза его сверкали, как две звезды. Но прежде чем вступить в бой, силач-охотник схватил брата, посадил его на скалу, подперев ему камнями голову, которая превратилась уже в одно кровавое месиво, и закричал ему в ухо, точно говорил с глухим:

– Смотри, Жан, смотри!..

Затем он бросился на чудовище. Он чувствовал себя способным перевернуть горы, раздробить камни. Зверь пытался свалить его и распороть ему живот. Но охотник, забыв даже об оружии, схватил волка за горло и стал медленно душить его голыми руками, прислушиваясь, как замирает дыхание в его глотке, как перестает биться его сердце. И он смеялся в безумной радости, все сильнее

сжимая зверя в страшной хватке и крича в припадке бешеного восторга:

– Смотри, Жан, смотри!

Волк перестал сопротивляться, тело его обмякло. Он был мертв.

Тогда Франсуа схватил его, поволок и бросил к ногам старшего брата, повторяя взволнованно:

– Вот он, вот, вот, милый мой Жан, вот он!

Потом он перекинул через седло оба трупа, один на другой, и пустился в путь.

Он вернулся в замок, смеясь и плача, как Гаргантюа при рождении Пантагрюэля[3]. Он испускал крики торжества и притоптывал ногами, описывая смерть зверя, и, рыдая, рвал свою бороду, рассказывая о гибели брата.

И часто впоследствии, вспоминая этот день, Франсуа произносил со слезами на глазах:

– Если бы бедный Жан мог видеть, как я душил волка, он умер бы довольный. Я в этом уверен.

Вдова моего прадеда внушила своему осиротевшему сыну отвращение к охоте, которое, передаваясь из поколения в поколение, перешло и ко мне.

Маркиз д'Арвиль умолк. Кто-то спросил:

– Это легенда, не правда ли?

Рассказчик отвечал:

– Клянусь вам, что все это правда, от первого до последнего слова.

И тогда одна из дам произнесла нежным голосом:

– Все равно, как прекрасно, когда человеком владеют такие страсти.

Примечания

1 Напечатано в «Голуа» 14 ноября 1882 года.

2 День святого Губерта – 3 ноября; св. Губерт считается на Западе покровителем охотников.

3 Гаргантюа, Пантагрюэль – герои знаменитого романа французского писателя Рабле (1494–1553).